

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

В.В. Лазарев*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ТЕОРЕТИКА)

***Аннотация.** К познанию юридической науки пригодна разная методология — от отвлеченной метафизики до всепроникающей эмпирики. Наиболее приемлемый в качестве всеобщего — системный подход, в котором интегрируются достоинства всех известных способов теоретического и практического анализа. Только такой подход позволит выделять исторические периоды развития науки. В статье предпринимается попытка рассмотреть внутренние и внешние факторы развития отечественной юридической науки позволяющие характеризовать ее онтологию и гносеологию через призму предъявленных ей вызовов.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, наука, состояние науки, рефлексия, методология, вызовы, ученые юристы, перспективы науки, отраслевые науки, учреждения науки.*

Обозначенная тема статьи столь серьезна, обширна и многопланова, что сразу же требует оговорок. Во-первых, статья представляет собой предварительную обработку материала в порядке подготовки к научной конференции, где автору поручено выступить с заглавным докладом, предполагающим дискуссии. Во-вторых, было бы неоправданно ожидать от одного исследователя вхождения во все отраслевые науки и, тем более, в освещение проблем каждой из них. В-третьих, автор не страдает ипсидексизмом и откровенно рассчитывает на доброжелательную критику своих частных суждений, развитие принципиальных оценок отечественной юридической науки, проблематикой которой он ограничивается по причине недостаточного знания зарубежных первоисточников.

Каждая наука время от времени пытается осмыслить себя, выznать свою родословную, осветить свой путь, определить свои перспек-

тивы¹. Юридическая наука не может быть исключением. Она, выражаясь доктринальным языком, призывается к пониманию своей онтологии и выработке собственной гносеологии. Как теоретика, мне импонирует постановка вопроса о саморефлексии теории государства и права², но эта наука именуется «общей теорией» и, следовательно, она может взять на себя миссию глобальной рефлексии, рефлексии юридической науки в целом. Это тем более будет оправдано, что предмет теории государства и права и язык её — суть предмет

¹ Не вдаваясь в анализ всех признаков и состава науки, представляется возможным исходить из того, что это концептуализированная совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении.

² См.: Веденеев Ю.А. К вопросу о теории государства и права. Материалы IV Международной конференции «Кутафинские чтения». Сборник тезисов. М., 2012. С. 53–54.

и язык всей юриспруденции³, всего того, что составляет Jus в совокупности метатеории и реальной практики⁴.

К познанию юридической науки пригодна разная методология — от отвлеченной метафизики до всепроникающей эмпирики. Наиболее приемлемый в качестве всеобщего — системный подход, в котором интегрируются достоинства всех известных способов теоретического и практического анализа. Только такой подход позволит выделять исторические периоды развития науки⁵. Вместе с тем, среди множества объективных и субъективных факторов, характеризующих науку и ее развитие, всякий раз обнаруживаются определяющие, главные на том или ином пространственно-временном отрезке. Марксистская наука не преминет упомянуть экономические потребности и классовую борьбу; науки идеалистического толка будут апеллировать к разуму или уходу от него, к нравам или упадку нравов, к непостижимой экзистенции человека. Представляется целесообразным рассматривать все многообразие внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие науки и позволяющих характеризовать ее метафизику, через понятие «вызовы».

Вызовы *implicite* заключают в себе требовательное начало. На вызов надо отвечать. Вызовы предполагают незамедлительную рефлексию, определение тактики и стратегии поведения. В науке они требуют адекватных идей, новых подходов, новых доктрин. При этом мы бы не сводили современные вызовы к вызовам современности. Некоторые вызовы стары, как мир⁶. На некоторые из них челове-

чество веками ищет ответы и, увы, не находит до сих пор.

Нельзя не согласиться с тем, что многие ученые не замечают изменений в современном обществе, стремятся отгородиться от насущных проблем юридической науки, не умеют ответить на вызов времени⁷. Однако можно понять и критику в адрес тех, кто вызовы и ответы на них связывает единственно с «поворотами» в гуманитарном знании, с решением проблем неюридическими науками. Разумеется, я не собираюсь подвергать сомнению использование достижений других наук (возможно, и не только гуманитарных). Но только при том непременном условии, что не совершается полный уход в сферу трансцендентного, в сферу собственно психических процессов. Развитие социальной науки все-таки предполагает реального человека, реальное поведение, реальные отношения. Государство и право все же предстают перед нами не только номинально и категориально, не только в символах и знаках, но и в качестве реальных институтов. И вызовы науке происходили реально от рабского или крепостнического состояния человека, от игнорирования или прямого нарушения прав и свобод человека и гражданина, от того, сыт он или голоден, в безопасности ли жизнь его и здоровье. Постмодернистские ценности в юридической науке влекут за собой не меньшие опасности превращения науки в служанку власть предержащих, чем критикуемые многими легистские и пандектистские позиции. Ответом на те и другие могут служить интегративные установки с их диалогическим подходом: «... Это взаимообусловленность противоположных моментов социальных дихотомий (должное и сущее, идеальное и материальное и т.д.), проявляющаяся во взаимодействиях между конкретными людьми, в принятии точки зрения другого (как в фактической интеракции, так и в мысленном соотношении себя с другими, сопровождающим взаимодействие)»⁸. Тем самым предупреждается упрек в ретроградстве, отрицании новых методов в правовой науке. Диалог отвергает крайности, предупреждает односторонность и позволяет понять главное: колесо — великое открытие человека, но с его помощью того же человека могли колесовать.

Все вызовы, имеющие отношение к юридической науке, можно разделять на природные и социальные. Те и другие подлежат

³ Ср.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 2.

⁴ См.: Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории Jus. Учебник для магистрантов юридических вузов. М.: НОРМА, 2012. С. 10.

⁵ К сожалению, этапы развития российской юридической науки еще ждут своего глубокого исследователя. Периодизация развития советской юридической науки существует, но критерии выделения соответствующих этапов (периодов) не увязываются со сменой парадигм ее внутреннего развития. Указываются в качестве реперных точек такие, например, факторы, как высылка ученых из страны, обстановка культа личности, принятие партийных постановлений и т.д. (см. например, «Российское правосудие», 2012, №10, с. 88). Между тем, куда большее значение для научной периодизации имеют значение, например, концепции Петражицкого или Муромцева о праве, ленинские идеи об отмирании государства и права, идеи Вышинского в понимании права и т.д.

⁶ В качестве примера такого общего вызова со стороны общества или части его является отвержение права, что обуславливает актуальность давнего ответа на него, сфор-

мулированного и обоснованного Р. Иерингом: «Борьба за право». Российский правовой нигилизм, пик которого пришелся на наше время, также имеет свою историю.

⁷ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 114.

⁸ Честнов И.Л. Цит. соч. С. 14.

дальнейшей классификации, необходимой, в частности, для определения ответов на них и для реализации прогностической функции науки. Важно отметить, что все вызовы в юридической науке (юридической науке) предопределены загрязнением природной среды в прямом смысле этого слова и «загрязнением» социальной среды — в переносном. Причем процессы «загрязнения» переплетаются и часто взаимно обуславливают друг друга.

Если отвлечься от теологической рефлексии, вряд ли можно оспорить объективность природных онтологий. В той же степени объективны и социальные процессы, если они с необходимостью предопределяются природными. Однако роль социальных факторов, даже роль отдельной личности, столь существенны и столь субъективны, что юридической науке приходится изыскивать средства, во-первых, для поощрения деятельности социума в соответствии с природной закономерностью и, во-вторых, для предотвращения и пресечения его деятельности вопреки природе⁹.

Итак, общая картина состояния науки видится следующим образом. Первое: перечень, описание и характеристика вызовов во всей их связи и взаимообусловленности. Второе: указание и характеристика ответов на них, констатация фактов и объяснение отсутствия ответов на определенные вызовы. Третье: существующие и возможные прогнозы системного обзора вызовов и ответов на них.

Марксистская наука в полном соответствии с постулатами диалектического материализма концентрировала внимание на существовании классов, классовой борьбы, классовых антагонизмов. Отсюда проистекали главные вызовы юридической науке и правовому регулированию. Сегодня не замечают (стараясь не замечать) не только антагонизмов, но и самих классов. Нет, об олигархах знают и о рабочих с крестьянами иногда вспоминают, но избегают анализа их места и роли в общественном производстве, скрывают их долю в потреблении общественного продукта, а в средний класс зачисляют тех, кто живет «средне»¹⁰. В лучшем случае сегодня

⁹ Классическая юридическая наука вырабатывала соответствующие максимы, в том числе в качестве средства реагирования на природу человека. Кто человек по природе своей – вопрос сложный и ответы на него в истории давались разные. Между тем природа человека остается наисущественным современным вызовом, перед которым наука до сих пор стоит в растерянности.

¹⁰ При этом нельзя не видеть, что в постиндустриальном обществе марксистские характеристики классов устаревают, что антагонизмы, как и многое другое, перемещаются в сферу обслуживания и потребления, что

готовы признать некий «общественный дискомфорт», выводящий людей на «болотные» площади. И наука может принять это понятие дискомфорта, если связывать его напряжение с формами социальных противоречий: различие, противоположность, антагонизм, если не будет ограничиваться собственно классовыми противоречиями и расширит их до признания личностных и межличностных, партийных и межпартийных, государственных и межгосударственных, национальных, расовых, культурологических и т.д.

Итак, принимаем емкое понятие «дисконфорт» для теоретического обозначения единого следствия любого из многообразных социальных вызовов, как соединение физического и психического, прескриптивного и дескриптивного. При всей диатропичности проявлений дискомфорта, при всей неисчерпаемости их разнообразия, необходимо рассмотрение уровней дискомфорта, его разновидностей, причин появления и, самое главное, нахождение равновесных ответов на дискомфорт. Нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий дискомфорт должна устранять власть (Царь, КПСС, Президент) и непременно изданием законов. Разумеется, власть для того и власть, чтобы реагировать, предупреждать стрессовый дискомфорт и организовывать цивилизованное преодоление конфликтных ситуаций. Но люди сами проживают свою жизнь, и свои «дары свободы» они способны направить на относительно комфортное исполнение своей земной миссии. К сожалению, идеалы часто сокрушаются противостоянием власти и граждан, когда дискомфорт проистекает от поведения властей или когда масса людей зомбирована экстремистскими идеями.

Все вызовы юридической науке следует поделить на внутренние и внешние. Последние — это вызовы самой жизни, самой природной и социальной среды. Они во многом предопределяют (обуславливают) познавательные (исследовательские) задачи. Вместе с тем исследовательские задачи и цели диктуются не только внешними, но и собственно внутренними относительно самостоятельными потребностями, обусловленными механизмами развития науки. Приведенное деление вполне коррелируется с традиционными заключениями об источниках развития науки. С одной стороны, представления, согласно которым все знания выводятся из опыта, а

само производство становится привлекательным в силу его творчества и отсутствия обременительного физического напряжения.

с другой — заключение о том, что эмпирический материал только инспирирует рефлексию и понимание соответствующих процессов, что и питает науку. Идеи существуют изначально. Средневековый «реализм» развивал учение, согласно которому подлинной реальностью обладают только общие понятия, универсалии, а не единичные предметы, существующие в эмпирическом мире. Универсалии существуют до вещей, представляя собой мысли, идеи в божественном разуме, и только благодаря этому разум в состоянии познавать сущность вещей. Только разум способен постигать общее. Противоположное направление носило название «номинализма», отрицающее онтологическое значение общих понятий и утверждающее, что они существуют не в действительности, а только в мышлении. По утверждению номиналистов, общие понятия — это только имена, они не обладают никаким самостоятельным существованием вне и помимо единичных вещей и образуются нашим умом путем абстрагирования признаков, общих для целого ряда эмпирических вещей и явлений. Поэтому универсалии существуют не до, а после вещей. Все приведенные споры уходят своими корнями в то расхождение между великим учителем и не менее великим учеником, отраженное в картине «Афинская школа», где Платон указывает ученикам на небо, а Аристотель на брентную землю. Между тем, если привести некоторые оговорки, правы они оба.

В конечном счете, как известно, многие тысячи лет борются между собой материализм и идеализм, не всегда замечая неисчислимо множество материальных и идеальных факторов, обуславливающих движение вообще и развитие науки в частности. Не исключено, что архимедовское «Эврика!» и не состоялось бы, если бы мыслитель тогда заполнил ванну не до краев.

Можно спорить о первенстве экономических и политических вызовов, предопределивших появление государства и права, а затем соответственно и правовой науки. Истина интегративна: и те и другие во взаимосвязи между собой и множеством иных факторов. Как не приветствовать, например, в этой связи антропологические подходы, в центре которых оказывается человек и человечество. Однако вряд ли кто будет серьезно спорить, если мы назовем в числе главных факторов, обуславивших буржуазные революции на Западе или революции 1917 г. в России, а вместе с тем и взрывное развитие политико-правовых исследований, именно состоянием экономики и политическими интересами. По большому сче-

ту мало что изменилось и сегодня. Экономика стала глобальной, политические интересы приобрели глобальный окрас и столь же существенно определяют характер вызовов правовым системам и юридической науке.

Применительно к современной России первым из всех вызовов юридической науке отваживаюсь назвать вызов (вызовы) со стороны политической системы, государственного строя, изменившего свой облик после августовских событий 1991 г. Впрочем, формировался этот вызов уже с началом перестройки, и наука, как представляется, была застигнута врасплох, оказалась бессильной в решении сложнейших правовых вопросов. Примечательны в этом плане признания директора Института США и Канады академика Г.А. Арбатова, стоявшего у истоков перестройки. Когда его спросили, были ли какие-то планы на этот счет, он грустно ответил: «Нет. Было понимание того, что так дальше нельзя. ...Видимо, решили действовать по наполеоновскому принципу: «ввяжемся в бой, а там посмотрим»¹¹. Ответ на вызов последовал в 1993 г. принятием Конституции. Был ли это ответ со стороны юристов? И да, и нет. Конституция в итоге рождалась в ходе расстрела российского парламента. И тогда же формировалась и конституционная юстиция как противовес произволу власти. Сегодня выясняется, что многое совершалось без научной проработки, но это естественное состояние противоборства права и политики, юристов и политиков. Важно подчеркнуть, что наука не оставалась в стороне от политических процессов, стараясь облечь их в правовые формы. Как бы не хотелось кому-то, юридическая наука не может освободиться (очиститься) от политики. Закон принимается всегда в противостоянии политических сил, закон всегда есть разной степени политика. Следование закону суть реализация политической линии. В случаях, когда закон устаревает, когда он пробелен, когда нуждается в конкретизации и т.д., правоприменитель по необходимости должен принять определенную политическую позицию. Либералы напрасно упрекают здесь суды, напрасно ставят в вину Конституционному Суду РФ (часто его Председателю), наполнение политическим содержанием своих решений. Суды не могут быть независимыми от закона и, следовательно, они не могут быть независимыми от политики в применении закона. А науке такого рода упрек будет уместен. К сожалению, в 90-е гг. прошлого века юридическая наука показала себя столь политизиро-

¹¹ Беглова Н.С. Московская семья рязанского разлива. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 172.

ванной, так сильно зависимой от политической публицистики, что стала утрачивать качества науки.

Вторым вызовом российской юридической науке следует назвать изменения в экономических отношениях. Смена форм собственности, изменение характера труда, все процессы постиндустриального общества (пусть и не развитые во всей полноте) — требуют ответа, реакции ученого сообщества. К сожалению, опять первыми реагируют политики и законодатели, а российская наука часто игнорируется. Иностранные специалисты (экономисты и юристы) участвовали, но как мы можем сегодня убеждаться, они имели свои интересы¹². Ответом на вызовы в названной сфере явились новые кодексы. Хорошие кодексы. Однако и ГК и Кодекс о труде обнаружили свои недостатки, требуют своих поправок. И вновь обнажается проблема игнорирования позиций ведущих российских юристов. Минэкономики старается главенствовать в поправках к ГК.

Итак, состояние юридической науки следует оценивать в свете того, в какой степени и насколько адекватно (и критически) отражает она состояние экономики и политики. Политика, как известно, «дама ветреная». Экономика «дама рассудительная и прагматичная». Ветреной часто отдают предпочтение. Но можно сломать и ту, и другую, только ущерб разный и время на восстановление утраченного, — разное. И всякий слом — это вызов науке. Наука по определению сориентирована на реформирование. Есть еще родная сестра политики — идеология. Науке она также сестра, но неродная. Она с успехом может метаться от науки к политике и наоборот. Дамы ревниво предъявляют свои требования (вызовы) друг другу, и науке приходится возвыситься над разными интересами, чтобы дать адекватный, соответствующий исторической истине, ответ. Ему мы всегда отдаем предпочтение и очень печалимся, если науку забыли, оттеснили, не призвали, не спросили и т.д. В России, мягко скажем, это случается. С начала 90-х гг. прошлого столетия Россию охватила эпидемия своего рода идиосинкразии к трудам классиков марксизма, к ленинским работам в особенности. Распад СССР и сокрушение роли КПСС способствовали такого рода диссеминации. Уже одно

упоминание имени, ссылка на Ленина влекло отвержение цитируемого положения. Никто не пытался осмыслить его по существу, расценить в контексте событий того времени. Кстати, иногда это были и вовсе не ленинские, а аристотелевские, например, положения. Срабатывала реакция на символ. Точно так же идиосинкразически реагировали (хотя и по-разному в разное время) на имена Троцкого, Бухарина, Сталина. «Роман Пастернака не читал, но ...». В политике, в публицистике это уместно, но наука в подобных случаях уподобляется известной унтер-офицерской вдове. Яркий пример с оценкой трудов Г. Кельзена. Им была написана небольшая работа по критике коммунистической теории права, и уже одно это обстоятельство обуславливало болезненную реакцию на его имя в советское время, несмотря на то, что России всегда были близки позиции нормативистской теории права. Труды Кельзена не издавали, их мало кто знал, но считалось уместным «лягнуть» его при случае. Сегодня, наконец, намечается объективный анализ его творческого наследия.

Взаимоотношения политики, экономики, идеологии и науки протекают в социокультурном контексте. Культурный уровень, который «никакому закону не подчинишь», определяет отношения людей в любой сфере. Он, в свою очередь, подвергается воздействию со стороны означенных «сестер», но способен проявлять здесь завидную устойчивость. Сменяющиеся одна другую моды на разные культурные и псевдокультурные ценности все-таки переходящи. Поэтому юридическая наука должна, во-первых, откликаться на вызовы общей и правовой культуры, во-вторых, поддерживать устоявшиеся культурные традиции, удовлетворяющие интересам народа, и, в-третьих, сопровождать рекомендациями действия власти, которая в рамках закона решительно препятствует явлениям коррозии легитимных культурных ценностей. Отечественная наука в последние полвека уделяла пристальное внимание правовой и антиправовой культуре, но явно недостаточно — влиянию права на позитивное развитие общей культуры в разных ее проявлениях.

Наиболее принципиальные и чувствительные вызовы правовой науке посылает юридическая практика. Их взаимоотношение заслуживает особого разговора. В свое время Эрлих не без оснований связывал возникновение правоведения исключительно с потребностями практики и основное содержание правоведения обозначал как практическое руководство для юристов-практиков, а собственно научные цели (науку в собственном смысле) связывал с возникновением потом

¹² Руководство высшими судебными инстанциями России справедливо сокрушается расширением иностранных юрисдикций. А почему так случилось? В «лихие 90-е» в числе множества советников (консультантов) ельцинских правительств были западные юристы, которые изначально сориентировали многие институты частного права на англо-американскую систему.

государственного права и общего учения о государстве¹³. Этот общий вывод нуждается в определенных коррективах в связи с тем, что в лоне науки частного права (в основном в гражданском праве) а затем и науках публичного права (в частности, в полицейистике) рождались общенаучные категории, развиваемые впоследствии теорией государства и права. Подтверждением данных выводов может служить развитие дореволюционной российской юридической науки, которая, кстати, сделала большой шаг вперед в сторону собственно научной теории, если учесть появление трудов Л. Летражицкого и его последователей.

Мы знаем «искусство для искусства», а здесь (и, особенно, в период постмодерна) представляется возможным говорить о «науке для науки». Оценки тому и другому даются разные. Сегодня в России отдельные представители отраслевых наук не видят ценности теории государства и права. Полагаю, что это их беда. Однако и вина науки теории. Будучи скомпрометированной догматическим налетом в советское время, утратив марксистские «скрепы», не сразу адаптировавшаяся к реалиям постперестроечного общества, современная теория права и государства не дает исчерпывающих адекватных ответов на их вызовы. В том числе на те, что транслируются отраслевыми юридическими науками. Примиряет одно: в Центре частного права, находящемся на передовой российской науки, работают ученые, получившие основательную теоретическую подготовку в советское время.

Очевидно одно: науку нельзя развивать в отрыве от тех отношений, которые порождают государство и право, от тех отношений, в которых они проявляют себя, отношений, которые они регулируют. Право и государственно-правовые институты трудно оценить вне позитивного и негативного опыта реализации заложенных в них теоретических конструкций. Более того, с позиций социологов право надо искать в самих общественных отношениях и в окончательном виде формулирует его суд или администрация. Даже собственно нормативистское направление в праве (континентальная правовая система), если отвлечься от «чистой» теории права Г. Кельзена, понимает

¹³ См.: Эрлих О. Основоположение социологии права. Пер. с нем. М.В. Антонова / под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011. С. 67–68. Эрлих фактически не считал научными труды, которые ограничивались законоведением. В 1903 г. он сделал доклад «Свободное правонахождение и свободная правовая наука», название которого говорит само за себя: поиск права ведется за пределами закона, ученый не может быть связан волей законодателя.

источники права в самых разных аспектах, признает общественную (экономическую, политическую, религиозную, моральную) практику как фактор формирования законодательной воли, а судебную практику как непосредственный источник права. К сожалению, наша наука не всегда имеет своим объектом и предметом те или другие практики во всем богатстве их содержания, в их последовательном переходе от самой деятельности к её результатам и последующему их внедрению¹⁴.

Содержание и форма юридической практики зависят от ее вида (разновидности). В зависимости от характера, способов преобразования общественных отношений нужно различать правотворческую и правореализационную (правоисполнительную, правоприменительную, организационно-распорядительную), интерпретационную и другие виды практики. Как правило, это властная деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленная на принятие нормативно-правовых актов и вынесение индивидуально-конкретных предписаний. Однако сегодня приобретают вес разного рода корпорации, самоуправляемые организации; получает распространение деятельность на индивидуально-правовой основе. Поэтому правовой опыт представляется результатом системного анализа самых разных видов юридической практики. Для науки важно более полно охватить основные элементы практики, правильнее отразить диалектику перехода прошлой деятельности в настоящую и предстоящую юридическую деятельность, понять значение разных элементов в механизме правового регулирования и правовой системе общества. Деятельностный подход позволяет увидеть индивида и социально-психологическую сторону его поведения, а результат деятельности многих индивидов предстает как коллективный опыт, обеспечивающий накопление, систематизацию, хранение и передачу информации и

¹⁴ В отечественном правоведении выделяются по меньшей мере три подхода к пониманию юридической практики. Одни авторы отождествляют практику с юридической деятельностью, другие относят к ней лишь определенные итоги, объективированный опыт правовой деятельности, и третьи (своего рода интегративный подход) – юридическую практику рассматривают в неразрывном единстве правовой деятельности и сформированного на ее основе социально-правового опыта. Последний подход (кумулятивный, отражающий социальную наследственность) представляется плодотворным еще и потому, что всякая последующая деятельность осуществляется в свете предшествующего опыта, вливающегося в эту деятельность. Юридическую практику можно определить как правотворческую и правореализующую деятельность, взятую в единстве с ее результатами в виде правового опыта.

практических навыков, умений. Без такого опыта невозможны ни правотворческая, ни право-реализующая деятельность. Здесь же учитывается субъектный состав практики, а по субъектам юридическая практика разграничивается, как правило, на законодательную, судебную, следственную, нотариальную и т.д.

Итак, юридическая практика представляет собой разновидность общественной, социально-исторической практики. Она составляет основное содержание и связующее звено правовой системы общества. Это часть правовой культуры общества. Юридическая практика носит преобразующий и созидательный характер. Соответствующие юридические последствия — ее неотъемлемый атрибут. Юридическая практика обусловлена многообразными процессами развития общества, но и сама призвана активно влиять на все стороны его жизни. Данное заключение заставляет, во-первых, вновь подчеркнуть взаимную связь и взаимодействие юридической науки и практики, во-вторых, указать на поиск единых методологических позиций в изучении и развитии науки и практики¹⁵ и, в-третьих, призвать науку к рекомендациям в адрес практики, дабы исключить неоправданный субъективизм и вместе с тем определить рамки необходимого творчества.

Неоправданно ограничивать юридическую практику деятельностью соответствующих органов и должностных лиц. Следует подвергать изучению в этом качестве и поведение граждан и их объединений. Причем не упуская из внимания соответствующие результаты. Историческая школа права именно в этом направлении сосредоточила бы свои усилия. Мы же совершенно не исследуем живую ткань отношений, готовых стать правоотношениями или становящихся ими на основе действия деловых обыкновений, складывающихся традиций и т.п. Можно оставаться легистами в практическом понимании права, но нельзя игнорировать социологические подходы в науке права, в поиске того, что должно быть признано правом, в том числе и законодателем.

¹⁵ Методология практической социальной деятельности остается мало разработанной, подменяется изучением технологической и организационной сторон деятельности, методы которых иногда объявляются специфической для нее методологией, не имеющей прямого отношения к процессу познания. Методологические вопросы практического мышления на стадии его соединения с непосредственной социальной деятельностью оказываются «за кадром» философско-методологических работ. В то же время постоянно повторяется тезис о том, что методология науки является не только орудием познания, но и способом преобразования действительности, что ее нужно умело применять как в исследовательской работе, так и в общественной практике.

Традиционно юридическая наука изучала юридическую практику в аспекте изучения отклоняющегося поведения, борьбы с правонарушениями. И хотя время от времени внимание ученых привлекает правомерное поведение¹⁶, многие аспекты его остаются вне поля зрения, особенно в отраслевых науках. А перспективы здесь открываются огромные для трудового права, для предпринимательского и даже для уголовного¹⁷.

До настоящего времени, как представляется, недостаточно исследуется поведение должностных лиц государства, как правомерное, так и неправомерное. О мотивах и составе преступлений написаны основательные книги. О мотивах и составе отклоняющегося поведения должностных лиц не знаю ни одной. Возможно, отсюда есть выход на проблему относительной самостоятельности государства. Это явление само по себе является серьезным вызовом обществу, праву, юридической науке, которая его тщательно обходит. Между тем разные проявления относительной самостоятельности государства и, в частности, бонапартизм замечали не только классики марксизма, но и признанные авторитеты буржуазной науки¹⁸.

Наконец, в особую группу внешних вызовов следует выделить вызовы юридической науке, идущие от других наук. Имеются в виду не только философия или иные социальные науки, но также и естественные. Юридическая наука до сих пор не откликнулась по-настоящему на достижения медицины (пересадка органов, клонирование), биологии и химии, кибернетики, на компьютеризацию. В данном случае мы имеем в виду отклик на ту социальную информацию, которую доставляют разные науки, имея предмет изучения не государство и право, а иные явления жизни человека и общества. Но в качестве вызовов со стороны неюридических наук следует расценивать и те новые исследовательские механизмы, ту методологию, которую они предлагают¹⁹. В частности, при всем релятивиз-

¹⁶ См., напр.: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999; Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования. Советское государство и право, 1976, №10; Его же: Выявление закономерностей правомерного поведения. Советское государство и право, 1983, №11; Оксмытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985; Малахов В.П. Правосознание и правомерное поведение. М., 2001.

¹⁷ См., напр.: Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань: Изд-во КГУ, 2001.

¹⁸ См., напр.: Эрлих О. Там же. С. 194.

¹⁹ Научная новизна, пишет И.Л. Честнов, «предполагает выход за рамки существующего знания, как правило, в междисциплинарную область. Она-то, как раз, и

ме пост-модернистских философских теорий, при всей ограниченности пост-классических эпистемологических подходов (в особенности, когда они порывают с аподиктическими суждениями классики²⁰), при всей их эпатажности и уводящей в заоблачность реификацией, — они могут быть востребованы не только общей теорией права, но даже отраслевыми науками, если последние не замыкаются в заземленной легистике. Происходит диссеминация (от лат. *disseminatio* — сеяние, распространение), эпистемологического опыта. Проиллюстрируем полезность его восприятия в исследовании российских реалий.

Весьма типичны для российской науки разного рода притворства, когда делают вид, что нечто имеет место в действительности, в то время как в ней имеет место нечто иное или вовсе ничего подобного нет. В семиотике это представляют так: есть некий знак, а самого обозначаемого предмета нет. Отсюда происходят так называемые симулякры, когда делают вид, будто описывается сам предмет, в то время как в лучшем случае описываются «картинки» с него или некие репрезентации, хорошие или плохие копии предмета. В Конституцию СССР «победившего социализма» было введено понятие (знак) общенародного государства. Десятки книг и диссертаций появились с описанием сущности, механизма и функций общенародного государства. Но было ли оно в реалии? Молодой японский исследователь Иссии Коки в 1965 г. не на шутку озаботил теоретиков права на кафедре в МГУ, когда предложил тему диссертации, всерьез решив посмотреть, как такое государство сформировалось в России и как оно функционирует.

Мы и сегодня знаем изображения без оригинала, благо существуют технологии их создания благодаря новейшим достижениям постмодернизма. Это тот самый грамматический центризм как результат деконструктивизма — «культура означающих без означаемых, обращенных в замкнутую цепь самореференций»²¹. Возможно, это та самая реификация, которая с позиций постмодер-

низма представляет собой овеществление, процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены, приписывания им субстанциональности, в результате которой они начинают мыслиться как нечто материальное²². В итоге, например, правовое государство перестает быть рациональным. Оно только операционально. Оно становится гиперреальным, синтетическим продуктом комбинаторных моделей в нереальном гиперпространстве. Нетрудно убедиться в этом, если посмотреть на невероятно большое количество не всегда увязываемых между собой признаков правового государства, выделяемых разными авторами. Представители естественных наук в лучшем случае видят здесь «болтологию» и, надо признать, в большой степени они правы.

Сегодня оправданно возрождается интерес к Петражицкому и психологической теории права. Экспектации мира сознания и подсознания столь существенны в их влиянии на реальное поведение, что вполне оправдано их сопоставление с влиянием официальных регуляторов. Кто может сказать, например, что больше влияет на отношения в семье: норма Семейного кодекса или экспектации, навеянные представлениями о роли мужа, жены, детей, даже навеянные тембром голоса, который, говорят, имеет иногда решающее значение в сближении супругов. Отечественная юридическая наука не дает примеров научных юридических исследований в аспекте философии феноменализма, экзистенциализма и сопричастных с ними направлений. Ни на светской, ни на религиозной основе. Идеи Бердяева не находят развития; Достоевский и Платонов не входят в плоть правовых исследований²³. Юристы вообще не часто используют метафоры или литературные образы в своих исследованиях. Между тем подобные экспликации могут служить наиболее глубокому проникновению в сущность государственно-правовых явлений. О, если бы

лежит за пределами юридической науки в философии, социологии, культурологии, лингвистике, семиотике и т.п.» (Честнов И.Л. Там же. С. 112).

²⁰ С некоторых пор возродился интерес к презумпциям и фикциям в праве. Но если быть более точным, следует признать, что они прежде всего категории юридической науки. Более того, из них она чаще всего и состоит. Много ли найдется в нашей науке аподиктических положений? Много ли мы можем привести, хотя бы в качестве примера, аксиом? А между тем, может ли существовать наука без аксиоматических идей? Нет аксиом — нет и открытий в науке.

²¹ См.: URL: <https://public/x3028.htm>

²² См.: [postmodernism.academic.ru/110/реификация; vslovare.ru/slovo/reifikatzija](http://postmodernism.academic.ru/110/реификация;vslovare.ru/slovo/reifikatzija)

²³ День за днем идет человек у Платонова «... лишь бы занять голову бесперебойной мыслью и отвлечь тоску от сердца». Томление, смятение жизни, предчувствие всеобщего будущего непрерывно владеет им в подтверждении самому себе, что «мир его воображения похож на действительность и горе жизни ничтожно». У него даже коровы в отчаянии среди тоскливого действия природы, и «неизвестный бред совершается в их уме». И главный герой «Ювенильного моря», «мгновенно превращавший внешние факты в свое внутреннее чувство», приходит к выводу, что «мир надо изменять как можно скорее, потому что и животные уже сходят с ума».

нос Клеопатры... В признании и отвержении синергетической судьбы государственности так хочется цитировать Шиллера: ...О, предел коварства — шлюха в царский кабинет войдет. В сложную машину государства пальцы беспрепятственно суёт.

Вызовы внешнего порядка существенным образом сказываются на вызовах, диктуемых потребностями саморазвития науки. Но прежде чем о них сказать, следует констатировать существование механизма осознания тех и других вызовов, механизма материализации ответов на них в содержании юридической науки. Представляется уместным в этой связи вести речь о процессах производства научных знаний и в первую очередь — о субъекте как необходимом компоненте научной деятельности²⁴.

Науку «производят» отдельные ученые, творческие группы ученых, научные учреждения и учебные заведения. Последних сегодня великое множество, но ни одно из коммерческих и мало какое из государственных заявляют о себе как о едином производителе научных знаний. Перед ними ставится такая задача, но она, на мой взгляд, не имеет перспективы при существующей организации и формах оплаты труда. Пока все держится на энтузиазме отдельных ученых, что и эксплуатируется властью предрержащими. Похожая ситуация имеет место и с собственно научными учреждениями, хотя труды отдельных ученых, работающих в этих учреждениях, впечатляют. Ни одно из них сегодня, на мой взгляд, не оправдывает тех ожиданий, которые проистекают из факта их создания и статуса. По сути же, никто и не ждет от них глубокого коллективного творчества. А власть, возможно, и не заинтересована в этом. Чаще всего они просто обслуживают государственные органы.

Наука развивается усилиями отдельных ученых. Исследования ведутся чаще всего спонтанно, без должной координации и организации. Если раньше утверждение тем диссертаций требовало решения координационного совета, действующего в пределах СССР, теперь можно избирать тему кандидатской диссертации, по которой написаны десятки работ, в том числе защищена не одна докторская диссертация. Научные руководители часто не являются специалистами в той теме, которая привлекла молодого исследователя. Ему бы поехать туда, где есть своего рода исследовательская школа в избранной области, а он идет к единственному в вузе профессо-

ру. Можно ожидать наведения относительного порядка ВАКом, но перспективы представляются неутешительными. Его компетенция и наличные силы недостаточны.

Ученые юристы сегодня идентифицируются не столько по ведомственному и учрежденческому признаку, сколько по географическому принципу: московские, свердловские, саратовские, питерские. Последние, на мой взгляд, могут претендовать на первенство как в теоретических, так и в отраслевых исследованиях.

Коммерциализация науки и свободный рынок научной продукции обнажили многие негативные стороны. Чтобы издать монографию, надо найти спонсора. Но при деньгах можно издавать все и все научные степени становятся доступными. Фундаментальные исследования даже в естественных науках находят поддержку разве за рубежом, а гуманитарные на это вообще не рассчитывают. Многие ли труды известных наших юристов изданы на Западе? Достойные условия работы в свое время заставляли многих крупных ученых уходить из университетов в милицейские учебные заведения²⁵, а сегодня и те обделили своими научными кадрами — привлекательней бизнес. Мощным центром науки является разве лишь Конституционный Суд РФ, чему есть свои объяснения.

С учетом состава исследовательских кадров и качества продукции, можно сделать вывод, что юридическая наука неоднородна. В самом общем виде позволю себе выделить три разновеликих ее части, каждая из которых претендует на звание науки, но не каждая таковой является в строгом значении этого слова.

Первая часть, возможно, исторически самая древняя, может быть образно поименована «служанкой». Впрочем, таковой она и была на самом деле. Она не только не стремилась к поиску истины, но, напротив, использовала весь наличный инструментарий для увода от истины. В угоду власти имущим, в угоду господствующему взгляду, к собственной выгоде.

Вторую часть, отнюдь не объемную, составляют ничем не обремененные поиски чистой истины по вопросам происхождения и сути государства и права, их назначения, наилучших форм, механизмов и функций. Это научные исследования на самом высоком методологическом уровне с опорой на достижения науки предшествующих эпох. Эта наука не

²⁴ См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2012. С. 25 и далее.

²⁵ В одном из учебников содержится специальная глава, посвященная ученым, трудившимся в вузах МВД, анализу их работ. См.: Теория государства и права: учебник под грифами УМО и МВД РФ. М.: ИД «Форум»-Инфра-М., 2008.

состоит в услужении у кого-либо, преследует собственный интерес, хотя не исключено, что ее результаты будут использованы той или другой социальной силой.

Третья часть самая обширная. Следует рассматривать ее в свете своего рода «социальной алхимии» со всеми теми плюсами и минусами, которые свойственны алхимии вообще. Да, усилия ее тружеников нацелены на творчество, на поиск своего «золота», своего «философского камня», но усилия эти бесплодны. Там, начиная от абитуриента и студента-первокурсника, воображают себя способными усвоить истины не читая книг и не считаясь с мнением «основоположников». В той массе все «марксы». Но те, кто на «мерсах», «умнее» «марксов». А те, кто в «жириновских», — проворнее. Алхимию юридической науки характеризует емкое русское слово «словоблудие».

Не проведя специального исследования, все же рискну предположить, что науку, как в первой, так и во второй ее части, делают менее чем 10 % всех занятых в этой сфере. Открытия здесь единичны, «изобретения» редки, преобладают «рационализаторские предложения». Большинство исследователей проводят черную работу по систематизации юридических знаний, комментированию законодательства и практики, обозрению многочисленных точек зрения и т.д., и т.п. Определенным показателем значимости проводимых исследований является возвращение к их результатам по прошествии времени, востребованность в дальнейших научных поисках. Российская юридическая наука рождалась в российских университетах, в которых первое время преподавали немецкие профессора и потом еще долгое время пропагандировались исследования преимущественно немецких ученых. Только в начале XX в. появились труды отечественных исследователей, претендующие на оригинальность.

В настоящее время оригинальными работами в области права являются те, в которых проводятся своего рода реконструкции взглядов плеяды российских профессоров (и теоретиков, и отраслевиков) конца XIX и первой четверти XX вв. Через призму философии и теории права выявляется юридический концепт современных реалий, постигается реальность права и правовая реальность, в которую юридическая наука входит в качестве самостоятельной онтологии права²⁶. В качестве таковой юридическая наука

характеризуется собственными (внутренними) вызовами, обусловленными ценностями, принципами, нормами, институтами права и государства, конструктами их рефлексии, логическими конструктами, формулами генетических и семиотических средств управления. В коллаидере юридической науки производится масса идей, взаимные трения и столкновения которых порождают «кварки» отдельных независимых суждений и совокупности, образующие концепции, школы, направления правовой мысли.

Надо писать книги, чтобы вновь и вновь отразить реакцию соответствующих элементов правовой системы на те или другие вызовы. Можно только сказать в заключение, что в состав «ядра», подвергаемого «бомбардировке» входят: понятие права и понятие государства; понятие нормы права и понятие источника права; система права и система законодательства; механизм, форма и функции государства.

Успех «бомбардировок» и новизна продукта во многом обуславливаются применяемой методологией, что наглядно подтверждается, в частности, коммуникативным и интегративным подходом к праву, которые, в свою очередь сами не чужды интеграции в понимании онтологии права²⁷. Методология юридической науки заслуживает большего места, нежели то, что отведено ей сегодня в предмете общей теории государства и права и предмете отраслевых юридических теорий. Именно с развитием методологических парадигм можно связывать перспективы развития юридической науки²⁸.

Но это вызов прежде всего юридической науке, вызов, требующий глубокого специального анализа в контексте глобализма, с учетом того негатива (см.: Стиглиц Джозеф Юджин. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 13, 23, 27, 39, 41 и др.), который имеет место быть, благодаря лицемерию игроков на мировой сцене. Рамки статьи не позволяют это сделать.

²⁷ Мною в свое время было предложено интегративное определение права которое затем входило во все издания учебника «Общая теория права и государства» (см. Лазарев В.В. Теория государства и права. (актуальные проблемы). М., 1992. С. 123) сегодня его можно уточнить, принимая коммуникативный аспект.

²⁸ Нельзя не отметить в этой связи едва ли не единственную книгу, в которой специально ставится цель осветить горизонты юридической науки, что в общем до некоторой степени удалось именно благодаря глубоко содержательным статьям И.Л. Честнова, Н.Н. Тарасова, В.Г. Графского и др., сосредоточившим внимание на методологических аспектах науки и практики (см. Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2006). В книге помещена также статья моего многолетнего соавтора С.В. Липеня «Юридическая наука в России на рубеже веков 100 лет назад» и это позволило мне не обращаться к истории отечественной юриспруденции.

²⁶ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. С. 12. Автор обращает внимание на «пространство виртуальной реальности», со стороны которого «праву брошен вызов, пожалуй, самый серьезный за всю его историю» (с. 14).

Библиография:

1. Веденеев Ю.А. К вопросу о теории теории государства и права. Материалы IV Международной конференции «Кутафинские чтения»: сборник тезисов. М., 2012.
2. Проблемы общей теории права и государства: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.
3. Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории Jus. Учебник для магистрантов юридических вузов. М.: Изд-во НОРМА, 2012.
4. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012.
5. Беглова Н.С. Московская семья рязанского разлива. М.: Новый Хронограф, 2012.
6. Эрлих О. Основоположение социологии права. Пер. с нем. М.В. Антонова / под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011.
7. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.
8. Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. №10.
9. Лазарев В.В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Советское государство и право. 1983. №11.
10. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985.
11. Малахов В.П. Правосознание и правомерное поведение. М., 2001.
12. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2012.
13. Гаджиев Г.А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013.

References (transliteration):

1. Vedeneev Yu.A. K voprosu o teorii teorii gosudarstva i prava. Materialy 1U Mezhdunarodnoy konferentsii «Kutafinskie chteniya». Sbornik tezisov. M., 2012.
2. Sr. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov pod obshchey redaktsiyey V.S. Nersesyantsa. M., 1999.
3. Lazarev V.V., Lipen' S.V., Saidov A.Kh. Problemy obshchey teorii Jus. Uchebnik dlya magistrantov yuridicheskikh vuzov. Izd-vo Norma. M., 2012.
4. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb.: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2012.
5. Beglova N.S. Moskovskaya sem'ya ryazanskogo razliva. M.: Novyy Khronograf, 2012.
6. Erlikh O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava. Per. s nem. M.V. Antonova / pod red. V.G. Grafskogo, Yu.I. Grevtsova. SPb., 2011.
7. Sorokin P. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. SPb., 1999.
8. Lazarev V.V. Pravomernoe povedenie kak ob'ekt yuridicheskogo issledovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1976. №10.
9. Lazarev V.V. Vyyavlenie zakonomernostey pravomernogo povedeniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1983. №11.
10. Oksamytnyy V.V. Pravomernoe povedenie lichnosti. Kiev, 1985;
11. Malakhov V.P. Pravosoznanie i pravomernoe povedenie. M., 2001
12. Syrykh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki. Uchebnik. M.: Norma: INFRA-M, 2012,
13. Gadzhiev G.A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti). M.: Norma: INFRA-M. 2013. S. 12.

Материал получен редакцией 23 января 2012 г.